

7. Petrushenko L.A. *Edinstvo sistemnosti, organizovannosti i samodvizheniya. (O vliyanii filosofii na formirovanie ponyatii teorii sistem) [Unity of system, organization and self-movement. (On the influence of philosophy on the formation of concepts of systems theory)]*. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 286 p. (In Russ.).

УДК 008

ЗАРУБЕЖНЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТЕОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ПЕРСПЕКТИВ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Двуреченская Анастасия Сергеевна, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: Dvurechenskaya@mail.ru

Марьина Марина Гумеровна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии, Кемеровский государственный медицинский университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: hasyanova@rambler.ru

В данной статье комментируются итоги и перспективы исследования массовой/популярной культуры. Отмечается, что ее изучение прошло определенные стадии: от академического «отрицания» данного феномена как самостоятельной области исследования до восприятия его как данности в культурном пространстве с собственным ценностным потенциалом; от философски ориентированных теорий массовой культуры до антропологических работ, акцентирующих свое внимание на отдельных ее проявлениях, прежде всего, на повседневном уровне. Концептуальные изменения в исследовании популярной культуры в то же время демонстрируют трансформацию зарубежных гуманитарных и общественных наук. Современная зарубежная гуманитаристика характеризуется методологической «размытостью», которая воспринимается как естественная научная среда.

Эта тенденция находит свое отражение в отечественной культурологии, которая продолжает свою «институционализацию» и потому чутко реагирует на противоречивые процессы, наблюдаемые в мировом научном сообществе. В определенной степени административно-политическая необходимость включения отечественных культурологических «текстов» в мировое исследовательское «поле» и, как следствие, признание их легитимности на основе существующих зарубежных школ изучения культуры привели к серьезной продолжающейся дискуссии о научном статусе культурологии и ее методологическом потенциале в целом, в том числе в сравнении с зарубежными исследовательскими концепциями.

Ключевые слова: научные школы, зарубежная гуманитаристика, *Cultural Studies*, отечественная культурология, философия культуры, теория массовой культуры, теория популярной культуры, методология культурологии, научные перспективы культурологии.

FOREIGN AND DOMESTIC THEORIES OF MASS CULTURE IN THE CONTEXT OF DETERMINING THE SCIENTIFIC PERSPECTIVES OF CULTUROLOGY

Dvurechenskaya Anastasiya Sergeevna, PhD in Culturology, Associate Professor, Department Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Dvurechenskaya@mail.ru.

Maryina Marina Gumerovna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Philosophy and Culturology, Kemerovo State Medical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: hasyanova@rambler.ru.

This article comments the results and prospects of the study of mass/popular culture. It is noted that its study passed certain stages: from the academic “negation” of this phenomenon as an independent field of research to its perception as a given in a cultural space with its own value potential; from the philosophically oriented theories of mass culture to anthropological works, focusing their attention on its individual manifestations, primarily on the everyday level. Conceptual changes in the study of popular culture at the same time demonstrate the transformation of foreign humanitarian and social sciences. Modern foreign humanitarian sciences are characterized by methodological “blurriness”, which is perceived as a natural scientific environment.

This trend is reflected in the domestic cultural studies, which continues its “institutionalization” and therefore responsive to the contradictory processes observed in the world scientific community. The opinions of Russian scientists divided: some believe that the further development of Russian culturology should follow the global research concepts. In this case, it is inevitable to strengthen the applied nature of culturology without the existing methodological “core.” Representatives of the opposite point of view disagree with this; they are convinced that the serious attitude of the public and the scientific community as a whole to a full-fledged independent field of research is impossible without substantiating its methodological component as any classical science, primarily from the position of a systemic approach. The author of this publication agrees with the opinion of the latter and shares the belief of the Moscow cultural scientist A.Y. Flier that culturology belongs to the theories of the so-called “middle level.”

Keywords: scientific schools, foreign humanities, cultural studies, domestic culturology, cultural philosophy, theory of mass culture, theory of popular culture, methodology of culturology, scientific prospects of culturology.

Современная отечественная культурология представляет собой довольно интересное исследовательское «поле» с точки зрения применяемых научных методов и концепций. Начатая среди ученых-культурологов и продолжающаяся дискуссия о «месте» культурологии среди других гуманитарных дисциплин не только выявила противоположные, разновекторные позиции в отношении ее теоретико-методологического статуса, но и обозначила рефлексию самих исследователей в отношении перспектив ее развития в контексте мировых тенденций концептуальных изменений гуманитарного направления в целом. Теоретические «последствия» этой дискуссии находят свое отражение и в исследовании отдельных культурных феноменов, в частности, массовой культуры. Обобщение различных теорий массовой культуры современными отечественными авторами показывает, что ее изучение в зарубежной науке прошло несколько стадий: от методологического «неприятия» до признания полноценной исследовательской областью, от целостных философски ориентированных концепций до «мозаики» применяемых теорий и методов и, по выражению А. Я. Флиера, «жестко эмпирических антропологических штудий» [10, с. 6]. При этом параллельно шло уточнение самого термина, так как до недавнего времени термины «массовая

культура» и «популярная культура» употреблялись как синонимы.

Уже ставший общеизвестным предлагаемый Е. Н. Шапинской обзор теорий массовой культуры наглядно демонстрирует эти «стадии». Автор выделяет следующие направления в исследовании массовой культуры:

- теории массовой культуры, рассматриваемой как культура «массового общества»;
- научные исследования Франкфуртской школы;
- структуралистская теория;
- марксистские и неомарксистские теории;
- теория феминизма;
- постмодернистские теории.

В более поздних работах Е. Н. Шапинская добавляет к этому перечню англо-американскую школу «культурных исследований».

Теория массового общества и функционирования в его рамках массовой культуры разрабатывалась в русле теории культурного модернизма, критически настроенной по отношению к массовой культуре. Шапинская пишет: «“Массовое общество”, “массовый человек” – эти понятия становятся определяющими для исследований массовой культуры первой половины XX века, в которых ее особенности усматриваются в специфике социальных структур и меняющегося под

влиянием новых технологий общего характера культуры» [11, с. 81]. Основной оппозицией данных исследований, проводимых в социологическом, философском, литературном ключе, является противопоставление элитарной и массовой культуры, культуры меньшинства и культуры большинства. По замечанию Шапинской, в современных исследованиях ранние теории массовой культуры находят свои отголоски в виде использования все той же дихотомии «популярного» и «высокого».

Изучение массовой культуры, проводимое Франкфуртской школой социальных исследований, базируется на теории культурного производства, которая подкреплена эмпирическими данными: «Общий вывод, к которому пришли представители Школы, заключается в том, что массовая культура формирует конформизм, удерживает реакции потребителя в инфантильном, статическом состоянии, позволяет манипулировать его сознанием с помощью ложных обещаний или “либидинальных gratификаций”. Все теоретики Школы считают, что существует глубокий разрыв между прошлой культурой и современной, популярной... Трактовка проблем популярной культуры теснейшим образом связана с пониманием современного капитализма и его контроля над культурной индустрией, оказывающей мощное влияние на умы и действия людей» [11, с. 88]. Так же как и теория массового общества, Франкфуртская школа критична по отношению к культурной индустрии.

Первые две теории формировались скорее в русле классического философского осмысления феномена массовой культуры, несмотря на то что неклассическая философия и ее методы проявили себя уже в начале XX столетия. Структуралистские теории культуры, популярные во второй половине XX столетия, направлены не на поиск сущности массовой культуры и ее определения, а на нахождение наиболее адекватного способа ее анализа. Особую роль здесь играют идеи семиотики, на основе которых представители данной теории выявляют структурные элементы, составляющие «каркас» любого популярного (массового) произведения. Если предыдущие теории обращаются к вопросам качественного состояния культуры и социокультурной динамики, то структуралисты не склонны использовать оценочные

характеристики по отношению к массовой и популярной культуре.

Структуралистские теории в какой-то степени предвосхитили «методологический поворот» в исследовании массовой культуры. Основоположниками этого «поворота» можно считать представителей постмодернистской философии. Обратимся к работе А. В. Костиной, в которой приводится систематизация наиболее значимых положений данной теории. Постмодернистская теория, в отличие от других теорий, исследующих массовую культуру, вводит новое понимание соотношения «элитарное-массовое». И, как отмечает Костина, «в новом плюралистическом проекте граница между элитарной и массовой культурой размывается, а процессы диффузии констатируются во всех культурных компонентах: элитарном, массовом, народном. При этом массовая культура начинает восприниматься не только как развлекательная, коммерческая, но и как полноправная и альтернативная – хотя и тривиально-бытовая, профанно-ненормативная, плоско-невывразительная – составляющая современной культуры» [2, с. 72]. Другое мнение в отношении постмодернистской теории массовой культуры высказывает Н. Л. Соколова, полагающая, что критичность восприятия массовой культуры у постмодернистов остается, при этом различия элитарной и массовой культур становятся условными [8]. Разные оценки постмодернистской теории связаны, скорее всего, с тем, что постмодернизм не представляет собой монолитный теоретический блок, он распадается на «утопический», теоретический и «коммерческий», обращающий особое внимание на исследование массовой культуры и средств массовой коммуникации. Одним из основных предметов изучения массовой культуры в теории постмодернизма становится проблема функционирования в отражаемом им социальном и культурном пространстве информации, а также особенности ее циркуляции, соотнесенность с реальностью, влияние на особенности культуры новейших информационных систем. Благодаря постмодернистам в «поле исследований» зарубежных гуманитариев включаются различные культурные артефакты и практики, формируемые массовой культурой и воспринимаемые как равноценные явления для научного анализа наряду с другими. Термин «мас-

совая культура» начинает постепенно вытесняться термином «популярная культура».

Не случайно, что в этот же период возникает совершенно новое направление исследований массовой / популярной культуры – Cultural Studies или «Культурные исследования». Н. Л. Соколова пишет, что оно «реанимирует» повседневный мир человека: «Культура в *Cultural Studies* рассматривается как набор подвижных культурных практик, которые приобретают ценность в зависимости от того, как они используются различными социальными группами. Исследователи этого направления делают акцент на критическом анализе культуры с точки зрения идеологии и властных отношений: популярная культура исследуется с учетом категорий класса, национальности, этничности, гендера и др.» [8, с. 64]. По этой причине «культурные исследования» некоторые авторы относят к неомарксистским теориям массовой культуры. Однако у англо-американской школы «культурных исследований» есть одно очень важное методологическое «отличие» от предыдущих теорий – ее междисциплинарная открытость. А. А. Стародумов характеризует этот период исследования массовой культуры как «рефлексивно-критический, сопровождающийся... расщеплением традиционных, “больших” объектов (в частности, “массовой культуры”) на фрагментарные предметные поля, не связанные напрямую друг с другом» [9, с. 4]. Методологическая логика этой междисциплинарности трудноуловима (особенно с точки зрения классических гуманитарных теорий). Анализируя специфику современных зарубежных исследований популярной культуры, В. В. Зверева отмечает, что «исследователи не предпринимают попыток целостной диагностики культурной ситуации. Нередко выносимые ими оценки выглядят как своеобразное подведение итога; складывается ощущение завершенности некоего периода в западной культуре... Кажется, что все тексты созданы в период между “большими работами” в области теории культуры. Но ощущается и общее ожидание новой концептуализации, которая пока отсутствует» [5, с. 16].

Феминистскую теорию массовой культуры Шапинская выделяет как самостоятельную среди других. Феминистский анализ массовой культуры интерпретирует ее через гендерные стереотипы. По мнению феминистских теоретиков,

академические исследования, так же как и сама популярная культура, исключают, игнорируют или тривиализуют образ женщины. Репрезентация мужчин и женщин в популярной культуре и в медиа соответствует культурным стереотипам, призванным служить для воспроизводства традиционных половых ролей. Приверженцы данного направления приходят к выводу, что «в массовой культуре представлены не столько самые распространенные гендер-типы, сколько предписания для большинства... почти все сюжеты мыльных опер построены на преобразовании социостатуса и/или системы ценностей героев, которое влечет за собой другие изменения» [12, с. 62]. На наш взгляд, логичнее отнести данную теорию к Cultural Studies.

Систематизация теорий массовой культуры, предлагаемая зарубежными культурологами Ч. Мукерджи и М. Шадсоном, подтверждает логику периодизации концепций массовой / популярной культуры Е. Н. Шапинской. Обращение к массовой культуре и связанному с ней целому классу культурных явлений формирует новую междисциплинарную область знаний, подлежащую изучению в американских университетах. Оцениваемая с таких позиций современная массовая культура оказывается в центре исследований различных научных культурологических и не только культурологических направлений. Ч. Мукерджи и М. Шадсон предлагают свою классификацию научных теорий массовой культуры. Они считают, что на формирование общей тематики исследований по популярной и массовой культуре воздействовали интеллектуальные традиции и политические ориентации в отдельно взятых областях знания. В основу предлагаемой классификации Мукерджи и Шадсон кладут дисциплинарный принцип, по которому группируются подходы к исследованию популярной / массовой культуры: исторический, социологический, антропологический, литературоведческий (см. [7]). Необходимо заметить, что американские исследователи употребляют термин не «массовая культура», а «популярная культура», не разделяя формы современной массовой культуры (телевидение, реклама, телесериалы и т. д.) и исторические формы «народной» или популярной культуры. Важно отметить, что Мукерджи и Шадсон, давая краткий обзор теорий популярной культуры в различных

областях знания, постоянно акцентируют внимание на том, что теоретико-методологическая основа ее исследования в рамках любой гуманитарной дисциплины будет иметь свои недостатки и достоинства. Поэтому на современном этапе исследования популярной культуры, полагают авторы, сложился интегративный междисциплинарный подход к проявлениям данного феномена. Например, культурологи используют факты и теории других наук для подтверждения собственно культурологических выводов; в то же время представители других гуманитарных областей, анализируя свой специфический предмет исследования, выходят на объяснение функционирования различных форм массовой и популярной культуры в культурном пространстве. Причем, в современной зарубежной теории популярной культуры исследователи используют не только общеизвестную антропологическую, социологическую или философскую методологию, но и начинают привлекать для объяснения отдельных «артефактов» популярной культуры методы естественных наук. Однако тенденция методологической «мозаики» в зарубежной гуманитаристике продолжает усиливаться.

Тем более актуально, что в этом отношении предлагают отечественные ученые. В российской гуманитаристике исследования массовой культуры в концентрированном виде прошли и проходят все стадии, наблюдаемые и в зарубежной: от резкого неприятия и негативной научной оценки данного феномена, прежде всего, с позиций философии и эстетики, до полного признания отдельными авторами терминологии и методологии современной англо-американской научной школы изучения популярной культуры. Теоретический «дискурс» этого научного движения демонстрирует практически параллельно идущее методологическое осмысление культурологии отечественными учеными, в определенной степени продолжающее размышления зарубежных авторов неокантианской философии о различении двух групп методов: методов гуманитарного культуроведения и методов социального культуроведения. Ключевым вопросом дискуссии о научном статусе российской культурологии таким образом становится ее методологическая «устойчивость». Известный ученый В. М. Межуев полагает, что эта «устойчивость» достижима только при об-

ращении к классическим философским теориям и культурология должна мыслиться, прежде всего, как философия культуры. Другой ученый, В. И. Марков, утверждает, что, несмотря на тесную связь с философией культуры, культурология является самостоятельной наукой «среднего уровня абстракции, изучающей... особые культурные целостности» [4, с. 49]. Московский исследователь Э. А. Орлова в своих работах ориентируется на зарубежные антропосоциологические теории, признавая за ними теоретическую доминанту в определении научных позиций отечественной культурологии. Не менее известные культурологи А. Я. Флиер и И. М. Быховская также в большей степени тяготеют к социологии культуры. Главное, в чем согласны большинство исследователей, – это убеждение в том, что культурология должна базироваться на системном подходе и целостной методологии в независимости от того, что будет предметом ее исследования.

Но такая точка зрения противоречит тому, что наблюдается в современной зарубежной гуманитаристике, изучающей культурные феномены и «артефакты». В. М. Дианова отмечает, что «сегодня реальная интеллектуальная жизнь и фактические научные тексты свидетельствуют о размытости дисциплинарных полей» [1, с. 4]. Проблема «вхождения» отечественной культурологии в мировое научное «пространство» остается, таким образом, открытой. Эвристическими в этом отношении являются размышления и предложения А. Я. Флиера, который отмечает формирование нового направления в зарубежных исследованиях культуры наряду с *Cultural Studies*: «Оно исследует не результаты культурных событий, а намерения людей, осуществляющих культурно значимые акции... Новый этап в изучении культуры сосредотачивается на осмыслении ее в качестве инструмента самоотождествления человека» [10, с. 6].

Отечественная культурология, используя накопленный методологический потенциал классической научной школы, имеет в таком случае все шансы стать в авангарде мировых гуманитарных исследований, так как в зарубежной теории новая концептуализация пока не сложилась, а анализируемое Флиером направление сосредоточено на поиске закономерностей в контексте деятельностных характеристик человека и осмыслении куль-

туры как системы, не только определяющей, но и прогнозирующей социокультурные изменения. Социальная востребованность культурологии, связанная с ее прогностической функцией, будет тем более высока в условиях кризиса современных научно-технических обществ (см. [6]). Можно предположить, что исследования массовой культуры в таком случае приобретут значимый прикладной характер, на основе чего уже будут выявляться некие социокультурные закономерности. А. В. Костина пишет, что «мифология массовой культуры, тесно связанная с процессом духовной саморегуляции, помогает человеку вернуть разрушенную самоидентичность... Архетипы со-

временной мифологии сохраняют свой неизменный смысл и выступают как провокаторы ожидаемых реакций...» [3, с. 184]. Другими словами, «артефакты» массовой культуры будут интересны ученым, прежде всего, как «провокаторы» культурных намерений. Таким образом, большинство отечественных культурологов, критически принимая и используя различные методы зарубежной исследовательской школы, стремятся в изучении культурных артефактов и феноменов, в том числе массовой культуры, выработать и обосновать собственную методологическую позицию, базирующуюся чаще всего на классической философской теории.

Литература

1. Дианова В. М. К проблеме самоопределения культурологического дискурса // Обсерватория культуры. – 2012. – № 1. – С. 4–7.
2. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М.: Ком-Книга, 2006. – 320 с.
3. Костина А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе. – М.: Либроком, 2009. – 216 с.
4. Марков В. И. Культурология: истоки, границы, задачи // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28). – С. 47–51.
5. Массовая культура: современные западные исследования / пер. с англ., отв. ред. и предисл. В. В. Зверевой, послесл. В. А. Подороги. – М.: Прагматика культуры, 2005. – 339 с.
6. Миненко Г. Н. Философия человека «возможного» в контексте формирования открытой культуры России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37–2. – С. 13–19.
7. Мукерджи Ч., Шадсон М. Новый взгляд на поп-культуру // Полигнозис. – 2000. – № 2. – С. 87–114.
8. Соколова Н. Л. Популярная культура в парадигме Cultural Studies и философской эстетике // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Гуманитар. науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 62–69.
9. Стародумов А. А. Символический обмен как феномен современной массовой культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / С.-Петербург. Гуманитар. ун-т профсоюзов. – СПб., 2012. – 21 с.
10. Флиер А. Я. Науки о культуре после постмодернизма: постфутурология // Обсерватория культуры. – 2012. – № 2. – С. 4–11.
11. Шапинская Е. Н. Массовая культура XX века: Очерк теорий // Полигнозис. – 2000. – № 2. – С. 77–86.
12. Шмидт В. Р., Шуршин К. В. Массовая и элитарная культуры в зеркале гендерного подхода // Соц. исслед. – 2000. – № 7. – С. 60–67.

References

1. Dianova V. M. K probleme samoopredeleniya kul'turologicheskogo diskursa [To the problem of self-determination of cultural discourse]. *Observatoriya kul'tury* [The Observatory of Culture], 2012, no. 1, pp. 4-7. (In Russ.).
2. Kostina A.V. *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva* [Mass culture as a phenomenon of post-industrial society]. Moscow, Kom-Kniga Publ., 2006. 320 p. (In Russ.).
3. Kostina A.V. *Natsional'naya kul'tura – etnicheskaya kul'tura – massovaya kul'tura: «balans interesov» v sovremennom obshchestve* [National culture - ethnic culture - mass culture: "balance of interests" in modern society]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 216 p. (In Russ.).
4. Markov V.I. Kul'turologiya: istoki, granitsy, zadachi [Culturology: origins, boundaries, tasks]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2011, no. 4 (28), pp. 47-51. (In Russ.).
5. *Massovaya kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniya* [Mass culture: modern Western studies]. The translation from English, Responsible editor and Foreword by V.V. Zvereva. Afterword V.A. Podorogi. Moscow, Pragmatika kul'tury Publ., 2005. 339 p. (In Russ.).

6. Minenko G.N. Filosofiya cheloveka «vozmozhnogo» v kontekste formirovaniya otkrytoy kul'tury Rossii [Philosophy of “possible” man in the context of the formation of an open culture of Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37-2, pp. 13-19. (In Russ.).
7. Mukerdzhi Ch., Shadson M. Novyy vzglyad na pop-kul'turu [A new perspective on Pop Culture]. *Polignozis*, 2000, no. 2, pp. 87-114. (In Russ.).
8. Sokolova N.L. Populyarnaya kul'tura v paradigme Cultural Studies i filosofskoy estetike [Popular culture in the paradigm of Cultural Studies and philosophical aesthetics]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki [Bulletin of higher educational institutions. The Volga region. Humanitarian sciences]*, 2010, no. 3 (15), pp. 62-69. (In Russ.).
9. Starodumov A.A. *Simvolicheskiy obmen kak fenomen sovremennoy massovoy kul'tury: avtoreferat dis. kandidata kul'turologii: 24.00.01 [Symbolic exchange as a phenomenon of modern mass culture. Author's abstract of diss. PhD in Culturology: 24.00.01]*. St. Petersburg, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., 2012. 21 p. (In Russ.).
10. Flier A.Ya. Nauki o kul'ture posle postmodernizma: postfutuologiya [Post-modern culture's sciences on post-modernism: postfutuology]. *Observatoriya kul'tury [The Observatory of Culture]*, 2012, no. 2, pp. 4-11. (In Russ.).
11. Shapinskaya E.N. Massovaya kul'tura XX veka: Ocherk teorii [Mass culture of the twentieth century: an essay on the theories]. *Polignozis [Polignozis]*, 2000, no. 2, pp. 77-86. (In Russ.).
12. Shmidt V.R., Shurshin K.V. Massovaya i elitarnaya kul'tury v zerkale gendernogo podkhoda [Mass culture of the twentieth century: An outline of theories]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2000, no. 7, pp. 60-67. (In Russ.).

УДК 008

АПОФАТИКА ПЛАТОНА

Филин Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: dmitri.filin1@yandex.ru

Платон был первым в истории последовательно мыслящим апофатическим богословом. Все «верхнее» ипостаси своей философии он определяет апофатически, так же как понятия света и красоты. Платон, первый из философов, рационально объясняет переход от единого к иному, от небытия к бытию, применяя диалектический метод в своем диалоге «Парменид». В нем Бог, запредельный всем существующим предикатам, мыслится как ничто. При этом он такое ничто, которое порождает иное, то есть фактически как единое содержит в себе последнее во всей полноте его смыслов. Он является, таким образом, органической совокупностью сверх-и-не-предикатов всего сущего. По сути Платон впервые в истории рационально обосновывает использование апофатического метода, без которого систематизация отрицательного богословия невозможна.

В апофатике платонизма божественная сущность всегда предстаёт тайной, которая является нашему мышлению как первооснова бытия. В этом отличие Платона от Канта. Для последнего понятие ноумена имеет лишь чисто негативное расширение по отношению к чувственному опыту. Это означает, что в эту эпоху из истории западноевропейской культуры постепенно начинает уходить понятие божественной тайны. Редукцию последнего можно видеть в полном имманентизме Абсолюта человеческому познанию в философии Гегеля. Будучи у Фейербаха порождением человеческой фантазии, оно вообще исчезает полностью из его антропотеистической философии. В виду того что понятие божественной тайны постепенно уходит из жизни и мысли XVIII–XIX веков, человеческое существование все более предстаёт дурной бесконечностью человеческих загадок. Для того чтобы покончить с бессмыслицей жизни, современному человеку полезно обратиться к опыту Платона, в частности, к его апофатическому учению о Едином.

Ключевые слова: Платон, апофатика, ипостась, ум, благо, красота, свет, единое, иное, диалектика, тайна, ноумен.